УДК 321
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-258-267
Оригинальное исследование

Уровень цифровизации и развитость демократии в разных странах мира: количественный анализ

Воронин В.А.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: sevvy@inbox.ru

Аннотация. Настоящая работа направлена на выявление склонности различных стран к построению цифровой демократии исходя из уровней их цифровизации и демократизации. Для этого было проведено количественное исследование с использованием таких методов, как корреляционный анализ и кластерный анализ. Корреляционный анализ показал, что между уровнем цифровизации и развитостью демократии существует умеренная связь, значение коэффициента Пирсона составило 0,56. Посредством кластерного анализа было выявлено 4 группы стран с разной склонностью к построению цифровой демократии. Кластер с наиболее высокими значениями по обоим показателям образовали страны Северной Америки, Западной и Северной Европы, а также некоторые государства Восточной и Юго-Восточной Азии. Наименее склонным к построению цифровой демократии оказался кластер, который включал в себя преимущественно авторитарные государства Азии и Африки с большим разбросом по уровню цифровизации, что свидетельствует о большей склонности их режимов к цифровой автократии.

Ключевые слова: цифровой авторитаризм, цифровая демократия, политический режим, корреляция, кластеры

Для цитирования: Воронин В.А. 2025. Уровень цифровизации и развитость демократии в разных странах мира: количественный анализ. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 258–267. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-258-267

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Level of Digitalization and the Development of Democracy in Different Countries of the World: A Quantitative Analysis

Vsevolod A. Voronin
Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia
E-mail: sevvy@inbox.ru

Abstract. This study aims to investigate the potential for different countries to develop digital democracy, based on their level of digitalization and democratization. To do this, we conducted a quantitative analysis using methods such as correlation and clustering. The correlation analysis revealed a mod-erate positive relationship between digitalization and democratic development, with a correlation coefficient of 0.56 using a Pearson test. Clustering analysis identified four clusters of countries, based on their propensity for digital democracy. These clusters include North America, Western Europe, Northern Europe, and a few countries in Eastern and Southeast Asia, which have the

© Воронин В.А., 2025

high-est levels of digitalization and democracy. On the other hand, the cluster that is least likely to embrace digital democracy consists primarily of authoritarian states in Asia and Africa. These coun-tries have a wide range of digitalization levels, indicating a greater tendency towards digital autocra-cy rather than democracy. The paper provides examples of digital authoritarianism and reveals the limitations of the research results stemming from the possible incomplete objectivity of the Democracy Index.

Keywords: digital authoritarianism, digital democracy, political regime, correlation, clusters

For citation: Voronin V.A. 2025. The Level of Digitalization and the Development of Democracy in Different Countries of the World: A Quantitative Analysis. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 258–267 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-258-267

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Цифровая демократия – инновационная форма демократии, которая основана на массовом применении современных цифровых технологий в механизмах народовластия. Исследователи выделяют следующие ее элементы: электронное голосование, электронные опросы граждан, электронные петиции, предоставление электронных государственных услуг, электронные консультации, электронные ходатайства, электронное правосудие и прочее электронное взаимодействие граждан и власти [Дзидзоев, Лолаева, 2022]. Среди связанных с цифровой демократией системных элементов политической жизни можно также выделить такой институт, как электронное правительство [Никулина, 2016; Сударев, Мальченков, 2023]. Наличие таких элементов обусловлено рядом факторов.

Развитость цифровой демократии зависит в первую очередь от того, насколько общество той или иной страны в целом демократично (функционируют ли в нем демократические институты), а также от уровня цифровизации в государстве, что является необходимой материальной базой для построения цифровой демократии [Маневский, 2019]. В данном контексте представляется актуальным рассмотреть соотношение этих двух факторов развития цифровой демократии, выявить степень их взаимосвязи, а также определить, какие страны достигли наибольших успехов в созидании рассматриваемых аспектов общественной жизни – политического (непосредственно демократии) и экономико-технического (цифровой системы). Исходя из этого, можно будет определить, насколько те или иные страны склонны к построению полноценной цифровой демократии.

Сразу необходимо отметить, что цифровая демократия не является историческим безальтернативным продолжением демократии как политического режима. Однако она может быть важным элементом политической организации общества, способствующей большему вовлечению граждан в социально-управленческие процессы и обеспечивающей более эффективное и быстрое принятие решений.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является цифровая демократия. *Предметом* же выступила склонность стран к построению цифровой демократии.

Цель исследования – выявить склонность различных стран к построению цифровой демократии в зависимости от уровня цифровизации и развитости демократии.

Для этого необходимо выполнить следующие *задачи:*

1) определить основные детерминанты развития цифровой демократии на основе изучения актуальной научной литературы;

2) отобрать количественные показатели, которые операционализируют эти детерминанты;

3) провести корреляционный анализ для выявления степени связи между отобранными для исследования показателями;

4) провести кластерный анализ и определить основные группы стран по их склонности к построению цифровой демократии.

Были выдвинуты следующие *гипотезы:*

1) цифровизация не всегда способствует демократизации;

2) некоторые технологические развитые страны будут оставаться авторитарными;

3) наиболее склонными к построению цифровой демократии будут западноевропейские и североевропейские страны.

В ходе работы были использованы такие количественные *методы*, как корреляционный анализ (в программе Excel) и кластерный анализ (в программе JASP). Для проведения исследования были отобраны государства по двум показателям – *глобальный индекс цифровизации* (GDI) и *индекс демократии* (DI). Первый был составлен в 2024 году компанией Huawei совместно с международным консалтинговым агентством IDC. Он отражает достижения стран по внедрению информационных технологий. Составляется данный индекс по 4 показателям: «повсеместная связь», «цифровая основа» (применение автоматизированных способов работы с данными), «зеленая энергетика» (так как потенциально может обеспечивать развитие цифровых технологий) и «поддерживающая политика» (в области ИКТ). В данный индекс входит 77 стран, на которые приходится 80 % мирового населения. В выборку вошли все государства из глобального индекса цифровизации. Все эти страны присутствуют также в индексе демократии, который ежегодно составляется сотрудниками Economist Intelligence Unit и включает в себя экспертную оценку и результаты массовых опросов, касающихся избирательного процесса и плюрализма, деятельности правительства, политического участия, политической культуры, а также гражданских свобод.

Результаты исследования

Есть популярное мнение, что цифровизация способствует демократизации общества [Study on the impact…; The positive impact…]. В информационном обществе граждане имеют больше возможностей для получения информации о политике, объединения друг с другом, обмена мнениями и т. д. [Мясников, Воробьев, Прохоров, 2024, How is digital technology…]. Для проверки данного положения как обязательного правила был проведен *корреляционный анализ*.

Данные по цифровизации [Global Digitalization Index…] были соотнесены с индексом демократии [Democracy Index by Country…] этих стран. Коэффициент корреляции между показателями по формуле Пирсона составил *0,56*. Данное значение хоть и является статистически значимым, все же не свидетельствует о высоком уровне взаимосвязи. Так, некоторые страны были сильно отдалены от зоны основного рассеяния. Следовательно, цифровизацию нельзя назвать главной детерминантой демократизации общества. На диаграмме (рис. 1) видны страны, которые достаточно развиты в технологическом плане, однако демократиями не являются.

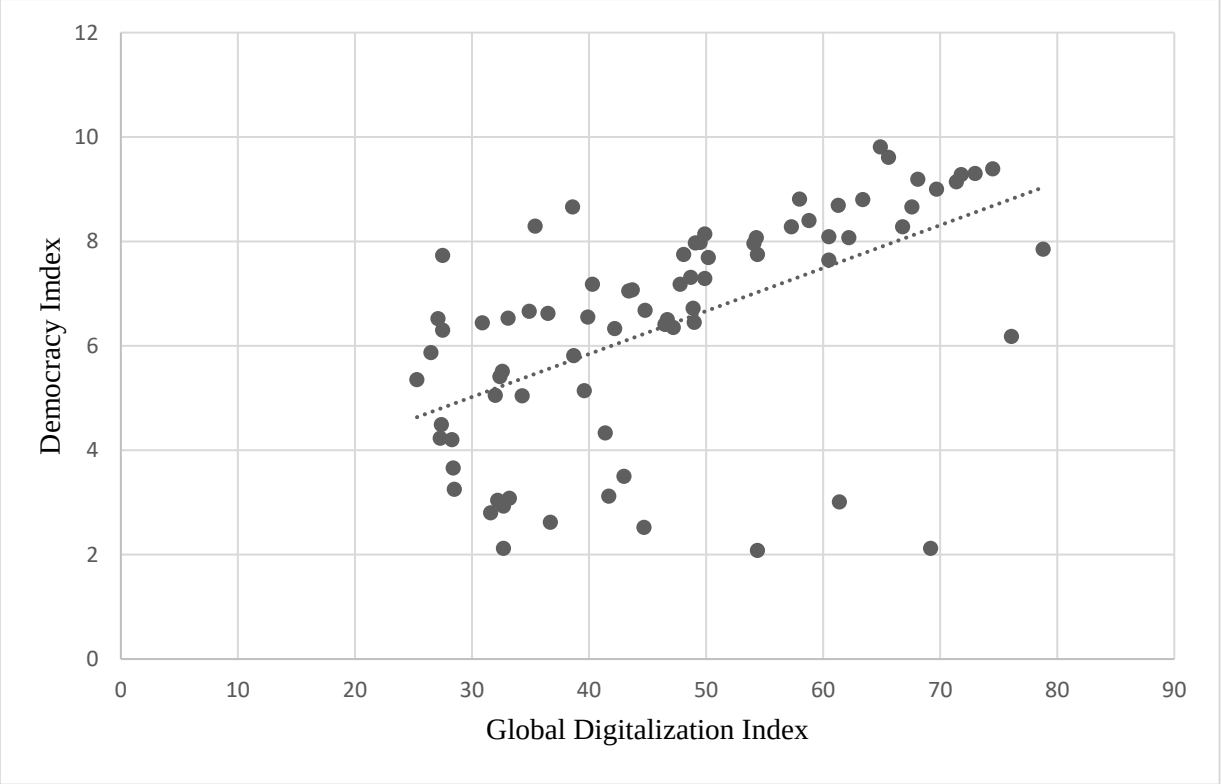

Рис. 1. Диаграмма рассеяния стран по показателям GDI и DI
Fig. 1. The dispersion diagram of countries by GDI and DI indicators

Вторым аспектом эмпирической части исследования стал *кластерный анализ*, с помощью которого были выделены группы стран с различным уровнем склонности к цифровой демократии. Результаты анализа представлены ниже (рис. 2–3, таб. 1).

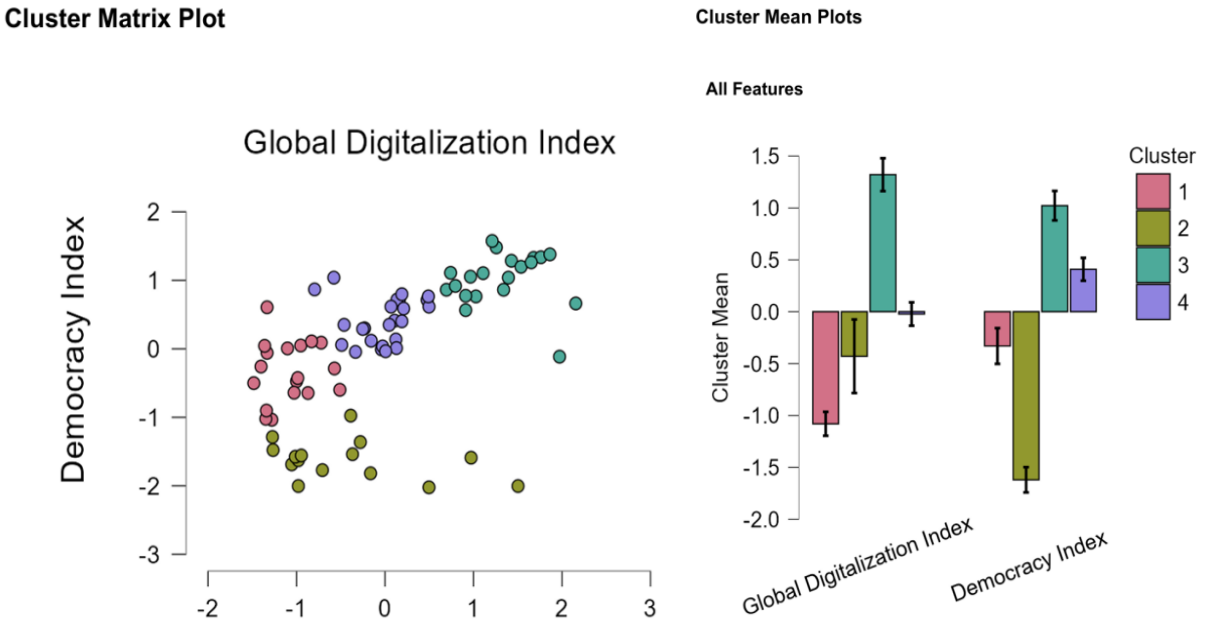

Рис. 2. Кластерная матрица и график средних значений
Fig. 2. Cluster matrix and cluster mean plots

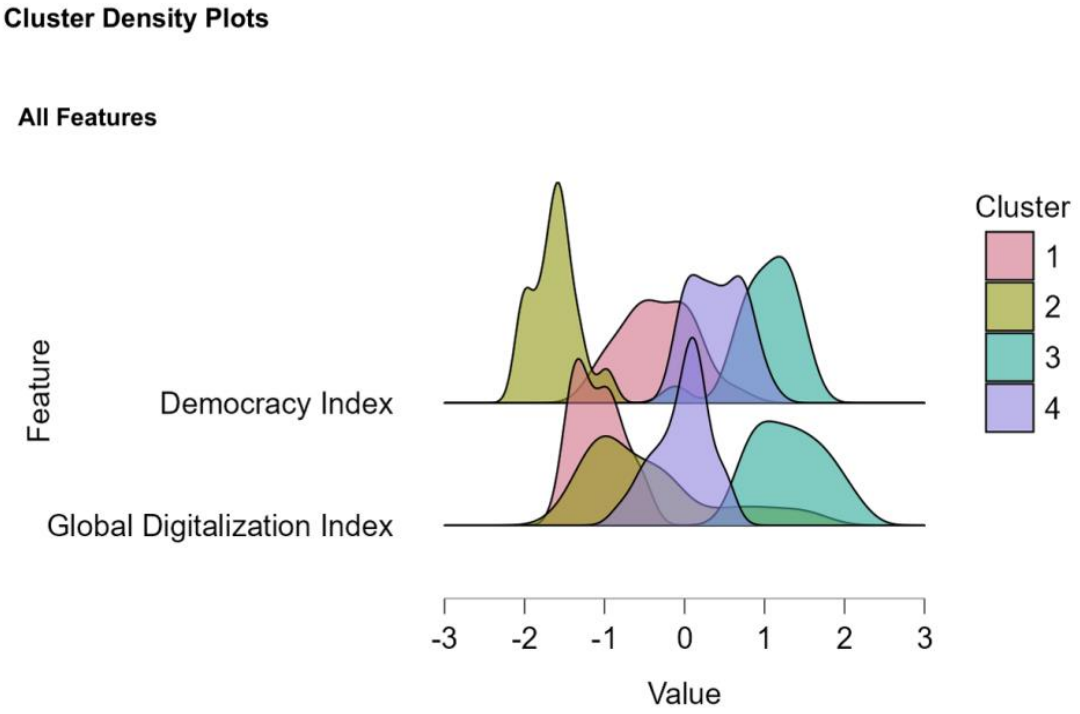

Рис 3. Графики плотности кластеров
Fig. 3. Cluster density plots

Таблица 1
Table 1

Распределение стран по кластерам
Distribution of countries by clusters

Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Аргентина	Алжир	Австралия	Бразилия
Бангладеш	Азербайджан	Австрия	Болгария
Боливия	Бахрейн	Бельгия	Чили
Ботсвана	Китай	Канада	Колумбия
Доминиканская	Египет	Дания	Коста-Рика
республика	Иордания	Финляндия	Хорватия
Эквадор	Казахстан	Франция	Чехия
Гана	Кувейт	Германия	Эстония
Индонезия	Оман	Ирландия	Греция
Кения	Пакистан	Япония	Венгрия
Мексика	Саудовская Аравия	Люксембург	Индия
Марокко	Турция	Нидерланды	Италия
Намибия	Объединенные	Новая Зеландия	Литва
Нигерия	Арабские Эмираты	Норвегия	Малайзия
Перу	Узбекистан	Сингапур	Польша
Филиппины	Вьетнам	Южная Корея	Португалия
Танзания		Швеция	Румыния
Тунис		Швейцария	Сербия
Уганда		Великобритания	Словакия
		Соединенные Штаты	Словения
		Америки	Южноафриканская
			республика
			Испания
			Таиланд
			Уругвай

Выявленные кластеры были охарактеризованы по степени склонности к построению цифровой демократии:

- *Наиболее склонные к построению цифровой демократии*. Так можно охарактеризовать государства, попавшие в 3-й кластер. Это преимущественно либерально-демократические страны (исключение составляет лишь Сингапур), которые наиболее развиты технологически, а также в экономическом плане в целом.
- *Скорее склонные к построению цифровой демократии.* Сюда вошли государства 4-го кластера. Эти страны менее демократические и в большинстве своем менее развитые (Южная Европа, Восточная Европа, некоторые страны Азии и Латинской Америки). Однако данные страны продолжают активно цифровизироваться, что позволяет говорить об их потенциале.
- *Скорее не склонные к построению цифровой демократии.* Это страны 1-го кластера. Данные государства являются недемократическими. Преимущественно это страны Латинской Америки, Африки и Азии. Режимы в них в основном гибридные – формально там есть институты президенства, парламента и т. д., однако в действительности демократические механизмы в данных странах практически не работают. В технологическом и экономическом плане страны также развиты слабо.
- *Не склонные к построению цифровой демократии.* В странах 2-го кластера функционируют гибридные и авторитарные режимы, у которых при этом большой разброс по уровню технологической развитости. Так, в данный кластер вошли технологически развитые Китай, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, представляющие собой автократии.

Вдоль расположения 3-го, 4-го и 1-го кластеров видна линия тренда. Страны идут, с одной стороны, по пути развития цифровых технологий, с другой – по пути демократизации. Возвращаясь к предмету и результатам корреляционного анализа, необходимо отметить, что в некоторых случаях дальнейшая цифровизация действительно может способствовать там демократизации и в конечном итоге – построению цифровой демократии.

Однако у большинства стран 2-го кластера ситуация сложнее. Многие страны из этого кластера уже начали процесс цифровизации в условиях автократии, некоторые из них добились значимых социально-экономических успехов, что дает их режимам дополнительную легитимность. В таких условиях может сработать эффект колеи, который гласит о том, что становление институтов и выбор направления развития в прошлом во многом определяет процессы будущего. И из такой колеи, заключающейся в господстве сильной власти, стране выйти достаточно трудно. В таком случае развитие цифровизации может способствовать дальнейшему укреплению власти государства, лишению граждан приватности, так как цифровые технологии позволяют контролировать и ограничивать многие аспекты жизни граждан (онлайн-цензура, онлайн-слежка и т. д.). Помимо прямого ограничительного вмешательства, правительства могут использовать интернет для манипулирования информацией, усиления контроля, а также легитимации власти [Власова, 2020]. Феномен электронного (сетевого) авторитаризма исследовал Ю.А. Кабанов. Учёный отмечает, что, с одной стороны, технологии в таких странах позволили свободно общаться в сети, однако в то же время власть выступает как участник и даже регулятор интернет-пространства [Кабанов, 2016].

Необходимо привести конкретные примеры возможных проявлений цифрового авторитаризма. Например, в Китае действует система социального рейтинга. Несмотря на широкую общественную поддержку данного нововведения, оно включает в себя риски, связанные с возможностью проведения цифрового надзора, наложения ограничений на регистрацию бизнеса или занятие должностей, а также на доступ к государственным услугам [Xu, Kostka, Cao, 2022]. Западными исследователями также активно исследуются

проявления цифрового авторитаризма в Саудовской Аравии [Jones, 2022; Schmidt-Feuerheerd, 2024]. Так, правительство государства использует программу Pegasus для взлома смартфонов оппозиционных активистов, журналистов и правозащитников. Имеет место активная блокировка нежелательных сайтов, а также сбор данных общественного мнения посредством искусственного интеллекта с целью выявления потенциальных угроз режиму. Последний представляет собой особый феномен, который способен содействовать манипулированию информацией [Хайруллова, 2023].

Дискуссия и ограничения

Важно отметить, что склонность различных государств к построению цифровой демократии не иллюстрирует напрямую эффективность управления внутри них. Также исследование не предполагает идеологической или моральной оценки политических режимов данных стран, так как совокупность методов регуляции и способов взаимодействия государства и общества может определяться историческими условиями [Huntington, 1991], политической культурой населения [Inglehart, 1997], внешними факторами [Першина, 2007] и т. д. Результаты же данной работы показывают вариативность становления политических режимов в условиях цифровизации. При этом склонность той или иной страны к цифровой демократии, выраженная к принадлежности к кластеру, не является прогнозом. Это позволяет сделать допущение, что некоторые демократические страны при наличии определенных условий в будущем могут пойти по пути цифрового авторитаризма (и наоборот).

Необходимо также учитывать, что политические режимы различных стран могут сочетать в себе как демократические, так и авторитарные элементы [Гарбузарова, 2024]. Так, например, во многих западных либерально-демократических странах (в частности, в ЕС) в 2022 году были заблокированы нежелательные российские информационные ресурсы – «РИА Новости», «Russia Today», «НТВ», «Россия-1» и другие [В Евросоюзе начали блокировать…], что можно рассматривать как желание ограничить гражданам доступ к источникам с альтернативным взглядом на некоторые события в мировой политике. Таким образом, наличие политической конкуренции на выборах может сочетаться с лимитацией свободы СМИ. Следовательно, возможное ограничение результатов исследования может заключаться в неполной объективности такого показателя, как индекс демократии, который основывается в том числе на мнениях экспертов, которые могут включать в себя долю субъективности. Вместе с тем гносеологическая ценность работы заключается в возможности продолжить исследование в данном направлении с использованием других количественных показателей при сохранении выработанной методологии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что выдвинутые в начале работы гипотезы в целом подтвердились. Как показал корреляционный анализ, сравнительно цифровизированные страны не всегда имели высокий показатель по индексу демократии, что не позволяет говорить о строгой причинно-следственной связи рассматриваемых явлений. По склонности к построению цифровой демократии было выделено четыре группы стран (кластера). Большую часть стран третьего кластера (наиболее склонного к построению цифровой демократии) составили страны Западной и Северной Европы. Вместе с тем в этот же кластер вошли страны из Северной Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Таким образом, связь между демократизацией и цифровизацией есть, но ее характер не позволяет утверждать, что цифровизация влияет на становление демократии. Следовательно, сама по себе цифровизация без устойчивых демократических институтов

не способна привести общество к цифровой демократии. В качестве альтернативного пути развития политического режима в условиях цифровизации можно выделить цифровой авторитаризм, который складывается в некоторых азиатских и африканских странах. Из этого можно сделать вывод, что процесс цифровизации предполагает разные варианты развития политических режимов. Он не только не всегда предполагает движение в сторону демократии, но и дает авторитарным режимам новые возможности сохранения существующей политической конъюнктуры.

Благодарность

Автор выражает благодарность научному руководителю, кандидату политических наук, доценту кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета Мартьянову Денису Сергеевичу.

Список источников

В Евросоюзе начали блокировать сайты российских СМИ. 2024. Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2024/06/26/v-evrosoyuze-nachali-blokirovat-sayty-rossiyskih-smi/ (дата обращения: 20.01.2025)

Democracy Index by Country. World Population Review. Available at: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/democracy-index-by-country (дата обращения: 20.11.2024)

Global Digitalization Index (GDI). 2024. Available at: https://www.huawei.com/en/gdi (дата обращения: 20.11.2024)

How is digital technology affecting democracy? University of Sheffield. Department of Politics and International Relations. Available at: https://www.sheffield.ac.uk/politics/research/how-digital-technology-affecting-democracy (дата обращения: 19.01.2025)

Study on the impact of digital transformation on democracy and good governance. Council of Europe. 2021. Report. Available at: https://rm.coe.int/study-on-the-impact-of-digital-transformation-on-democracy-and-good-go/1680a3b9f9 (дата обращения: 19.01.2025)

The positive impact of digitalization on democracy – best practices on e-governance from Ghana, Estonia, and India. Supporting democracy worldwide. Available at: https://www.idea.int/news/positive-impact-digitalization-democracy-best-practices-e-governance-ghana-estonia-and-india (дата обращения: 19.01.2025)

Список литературы

Власова О.Ю. 2020. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы. Studia Humanitatis. 3: 6–29.

Гарбузарова Е.Г. 2024. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 26(3): 477–490. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490

Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. 2022. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2: 14–20. doi: 10.31429/20785836-14-2-14-20.

Кабанов Ю.А. 2016. Электронный авторитаризм (Институт электронного участия в недемократических странах). Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 4(83): 36–55.

Мальченков С.А., Сударев А.А. 2023. Цифровая демократия как новая форма народовластия: преимущества и недостатки. Огарёв-Online. 8(193): 1–8.

Маневский Е.В. 2019. Факторы развития электронной демократии в современном обществе. Политика и общество. 2: 15–20. doi: 10.7256/2454-0684.2019.2.21852.

Мясников А.И., Воробьев М., Прохоров А.В. 2024. Интернет-дискурс современных общественно-политических движений как способ саморепрезентации (на примере движения желтых

жилетов). Вестник СНО Санкт-Петербургского университета. Науки об обществе. 1(1): 32−49. doi.org/10.21638/spbu36.2023.102

Никулина Ю.В. 2016. Цифровая демократия и электронное участие в информационном обществе. Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 15: 97–104.

Першина Е.В. 2007. Внешний фактор трансформации тоталитарных режимов на примере стран Восточной Европы. Автореф. дис. канд. полит. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 142.

Хайруллова А.В. 2023. Использование искусственного интеллекта «Единой Россией» на губернаторских выборах 2023 г. Новая политическая реальность: возможности и вызовы: Сборник тезисов XIV Международной молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт». 25–26.

Jones M.O. 2022. Digital Repression for Authoritarian Evolution in Saudi Arabia. In: New Authoritarian Practices in the Middle East and North Africa. Cambridge University Press.

Huntington S.P. 1991. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press.

Inglehart R. 1997. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press.

Schmidt-Feuerheerd B. 2024. Collaborative Authoritarianism and its Unintended Consequences. Democratization, 1–21. https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2432018

Xu X., Kostka G., & Cao X. 2022. Information Control and Public Support for Social Credit Systems in China. The Journal of Politics, 84(4), 2230–2245. https://doi.org/10.1086/718358

References

Vlasova O.Yu. 2020. Tsifrovoj avtoritarizm i elektronnaja demokratija: soderzhanie i granitsy [Digital Authoritarianism and Electronic Democracy: Content and Boundaries]. Studia Humanitatis. 3: 6–29.

Garbuzarova E.G. 2024. Osobennosti politicheskix processov v stranax Central'noj Azii na sovremennom etape [Features of Political Processes in Central Asian Countries at the Present Stage]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 26(3): 477–490. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490.

Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. 2022. Tsifrovaja (jelektronnaja) demokratija v Rossii: ponjatie i predely [Digital (Electronic) Democracy in Russia: Concept and Limits]. Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2: 14–20. doi: 10.31429/20785836-14-2-14-20.

Kabanov Yu.A. 2016. Jelektronnyj avtoritarizm (Institut jelektronnogo uchastija v nedemokraticheskix stranax) [Electronic Authoritarianism (Institute of Electronic Participation in Non-Democratic Countries)]. Politija: Analiz. Xronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki). 4(83): 36–55.

Mal’chenkov S.A., Sudarev A.A. 2023. Tsifrovaja demokratija kak novaja forma narodovlastija: preimushhestva i nedostatki [Digital Democracy as a New Form of Popular Sovereignty: Advantages and Disadvantages]. Ogaryov-Online. 8(193): 1–8.

Manevskij E.V. 2019. Faktory razvitija jelektronnoj demokratiji v sovremennom obshhestve [Factors in the Development of Electronic Democracy in Modern Society]. Politika i obshhestvo. 2: 15–20. doi: 10.7256/2454-0684.2019.2.21852.

Myasnikov A.I., Vorob'ev M., Proxorov A.V. 2024. Internet-diskurs sovremennyx obshhestvenno-politicheskix dvizhenskij kak sposob samoreprezentacii (na primere dvizhenskij zheltyx zhiletov) [Internet Discourse of Contemporary Socio-Political Movements as a Way of Self-Representation (On the Example of the Yellow Vests Movement)]. Vestnik SNO Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki ob obshhestve. 1(1): 32−49. doi.org/10.21638/spbu36.2023.102.

Nikulina Yu.V. 2016. Tsifrovaja demokratija i jelektronnoe uchastie v informacionnom obshhestve [Digital Democracy and Electronic Participation in the Information Society]. Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki. 15: 97–104.

Pershina E.V. 2007. Vneshnij faktor transformacii totalitarnyx rezhimov na primere stran Vostochnoj Yevropy [External Factor in the Transformation of Totalitarian Regimes: The Example of Eastern European Countries]. Avtoreferat dis. kand. polit. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, 142.

Khayrullova A.V. 2023. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta "Yedinoy Rossiey" na gubernatorskix vyborax 2023 g. [The Use of Artificial Intelligence by "United Russia" in the 2023 Gubernatorial Elections]. Novaya politicheskaya real'nost': vozmozhnosti i vyzovy: Sbornik tezisov XIV Mezhdunarodnoj molodezhnoy nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 18 noyabrya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: OOO "Skifiya-print". 25–26.

Jones M.O. 2022. Digital Repression for Authoritarian Evolution in Saudi Arabia. In: New Authoritarian Practices in the Middle East and North Africa. Cambridge University Press.

Huntington S.P. 1991. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press.

Inglehart R. 1997. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press.

Schmidt-Feuerheerd B. 2024. Collaborative Authoritarianism and its Unintended Consequences. Democratization, 1–21. https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2432018

Xu X., Kostka G., & Cao X. 2022. Information Control and Public Support for Social Credit Systems in China. The Journal of Politics, 84(4), 2230–2245. https://doi.org/10.1086/718358

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.01.2025
Поступила после рецензирования 25.01.2025
Принята к публикации 30.01.2025

Received 15.01.2025
Revised 25.01.2025
Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронин Всеволод Алексеевич, студент бакалавриата факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0009-0002-2859-6427

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vsevolod A. Voronin, Undergraduate Student at the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia